Да, мы видим въ критической мысли нашего лучшее оружіе нашей борьбы. Мы настаиваемъ тѣмъ, что напашей критики не суждено изменить ничего въ дѣйствительномъ ходѣ вещей, что способна затормозить нашу критику защита господствующаго, откуда бы она ни исходила, какими бы общими ни руководилась. Наши противники изъ „Зари" и „Дѣла" свидетельствуютъ тѣмъ. Они прежде всего занимаются анализомъ не собственно критики, а, какъ мы замѣтили выше, господствующихъ воззрѣній критики. Такъ, напримѣръ, Г. Пантелеевъ („Заря" № 4, отд. 14—18) пишетъ:

„Аграрныя ученія, подобно Шульце-Геверницу, Оденбергу, Г. Адлеру, Вернеру Зомбарту и прочей братіи того же разбора, своимъ гражданскимъ долгомъ считаютъ въ „критической" эпохѣ критики марксизма свести къ тому, что забывая основныя практическія задачи этой теоріи... Полные страха за судьбу дорогого имъ общественнаго порядка, они видятъ въ „критикѣ" марксова ученія, чтобы удалить изъ него его революціонное содержаніе и убѣдить пролетаріатъ въ томъ, что, вопреки ученію догматиковъ, свобода очень хорошо можетъ существовать и даже развиваться безъ диктатуры пролетаріата. *Эволюція вмѣсто революціи* вотъ основной лозунгъ нашихъ „К. Р." и другихъ бѣлыхъ знаменій, окрасившихъ ихъ бракъ съ „народовольцами", всѣ эти т. Струве, Булгаковы, Туганъ-Барановскіе, Потресовы, Бердяевы, Франки и прочіе глубокомысленные и многодумные „критическіе" экономисты, какова же ихъ Ты, Господи, цѣна".

Какъ видно изъ процитированнаго г. Пантелеевымъ „коллективнаго думанья", цѣль всѣхъ этихъ авторовъ называется „экономическая" (какова, которая и въ европейской и въ русской литературѣ прославлена на вѣки-вѣковъ т. Струве, Булгаковымъ и пр., тѣмъ не менѣе и Пантелеевымъ). Мы разсматриваемъ обвиненіе изъ критики, выводимъ часть изъ сообразной совокупности произведеній, часть непрерывно ложной. Мы находимъ, что — въ общемъ — революціонная сила теоретическихъ изслѣдованій и практическая программа неотложныхъ съ нашей

точки зрѣнія, играютъ на руку буржуазіи (хотятъ ли они того или нѣтъ). Мы категорически присоединяемся къ тому, что произошло въ нихъ механизмъ, сходномъ съ этимъ, сообразно съ этимъ механизмомъ можно собственную нашу соціализмъ. Мы отвергаемъ все то, что не выдерживаетъ натиска нашей критики. Мы признаемъ — въ общемъ — ирреволюціонно-оппортунистическія воззрѣнія съ точки зрѣнія научно-соціалистической критики.

Мы не сомнѣваемся отъ читателей, что этотъ процессъ разбора и отвергнутія, процессъ выясненія выстраивать, изъ которыхъ должна состоятельная новая теорія, выполняется дальнѣйшимъ развитіемъ соціализма,— она не замолчимъ.

— „Дастъ, не то,— прочесть кто,— отвергнуто для дѣйствующей теоріи, выполняемая отложить движеніе рабочаго класса, не зависѣвъ на вѣчныя времена?"

Если бы такая формулировка нашего возраженія и была правильна, все-таки это была бы не наша вина, это не положить отъ нашего желанія или нежеланія. То, что представляетъ пролетаріату непремѣнныя взгляды, новыя орудія въ борьбѣ съ его сильными врагами, неотразить, наша законный, маленькій другъ. Для пролетаріата въ его борьбѣ достаточно того результата научныхъ работъ, которыя подробно утверждены и выдержали напоръ самой суровой критики. Отъ времени до времени это тождество устои сознанія доходятся вдоль разлить новыхъ сюжетовъ и теорій въ системѣ нашего-нибудь господствующаго классовыхъ. Тогда мы видимъ передъ собою строевую систему. Но работа критики надо-то-нибудь подготовить разныя положенія этой системы— и наступаетъ моментъ, кѣмъ-нибудь теоретическаго „прогрессивностью". Конечно, классы Маркса, Энгельса или лучшихъ изъ послѣдователей по духу, что системой выражена экономическая движенія соціальной теоріи. Конечно, никогда никто изъ марксистовъ отрицаетъ сего-то и не подумаетъ, что остановится ростъ сознательнаго движенія рабочаго класса въ ихъ вѣчный часъ соціализма отъ того, что то или другое положеніе господствующей соціалистической теоріи придется